

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Труды VI Международного
Конгресса славянской археологии

Том 1

**ПРОБЛЕМЫ
СЛАВЯНСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

Москва 1997

ББК 63.4
Т 78

Издание осуществлено при финансовой поддержке:
Российского гуманитарного научного фонда
(грант 96-01-14021),
Российского фонда фундаментальных исследований
(грант 96-06-85007),
Института «Открытое общество»
Американского благотворительного фонда
(грант 96-101-140696-1369).

Ответственный редактор
Доктор исторических наук, профессор В.В.Седов

Редакционная коллегия
«Трудов VI Международного конгресса
славянской археологии»
Н.Н.Гринёв, Н.В.Лопатин, С.В.Меснянкина, Е.Н.Носов,
А.М.Обломский, В.В.Седов, Т.В.Сергина, А.С.Хорошев,
А.В.Чернецов, П.П.Толочко, В.Л.Янин (председатель)

Издательство НПБО «Фонд археологии»

ISBN 5-87059-023-X

© Институт археологии РАН, 1997 г.

Л.Д.Макаров

СЛАВЯНЕ МЕЖДУ ВОЛГОЙ И УРАЛОМ

В X—XV вв.

(по археологическим материалам)

Территория между Волгой и Уралом населена тремя крупными этническими массивами — финно-угорским, славянским и тюркским. История расселения и взаимоотношений данных этносов в эпоху средневековья давно уже является предметом пристального интереса исследователей, однако славянским материалам при этом уделялось гораздо меньше внимания. Вопрос этот, конечно, рассматривался в обобщающих работах по истории Поволжья и Приуралья, но авторы оперировали преимущественно письменными источниками, освещающими интересующий нас период крайне отрывочно. Археологические же материалы позволили в значительной степени уточнить, а в ряде случаев и кардинально переменить наши представления об экономике, этнической истории и духовной культуре древнерусского населения Прикамья.

Исторически сложилось так, что еще задолго до массового расселения славян в Прикамье сюда начинают поступать изделия, изготовленные в их землях. Поток импортных древнерусских предметов особенно ощутимым стал в XII в., превывсив поставки товаров из Волжской Болгарии. Исследователи так или иначе отмечают данное обстоятельство почти во всех рассматриваемых нами регионах: в верховьях Чепцы [1], на верхней Каме [2] и ее верхокамском микрорегионе [3], в бассейне Сылвы [4]. Усиливается импорт древнерусских изделий с этого времени и на территорию Волжской Болгарии [5], откуда они попадают в Пермь Великую [6], на нижнюю Вятку и в Среднее Прикамье [7]. В числе предметов импорта наиболее популярными были различного рода украшения (лунницы, трех- и многобусинные височные кольца, серьги в виде знака вопроса, бусы, зооморфные, косорешетчатые, крестовидные и прочие подвески, браслеты, перстни, поясные наборы, изделия из янтаря), вооружение (мечи, булавы, топоры, предметы конской упряжи и др.), орудия труда (сошники, топоры, ножи, специальный инструментарий, шиферные пряслица и т.д.), предметы быта (замки, ключи, светцы, булавки с кольцами, гребни и складные расчески, металлическая и стеклянная посуда), а также серебряные денежные слитки и монеты. Многие из этих предметов могли попасть в Прикамье и со славянами [8], однако доказать данное предположение чаще всего невозможно. Это связано, как известно, с установившимся среди специалистов мнением об этничности тех или иных категорий материальной культуры, главной из которых по праву считается керамика. Именно в глиняной посуде наиболее отчетливо отражаются культурные традиции того или

инного этноса. Кроме керамики, существенную этническую нагрузку несут в себе, в силу консервативности, древнерусские женские украшения [9]. Присутствие славян отмечается также находками актовых печатей, вещей с русскими надписями, языческих амулетов и предметов христианского культа. В случае обнаружения перечисленных выше находок вместе с древнерусской керамикой каких-либо сомнений в их принадлежности не возникает. Однако выявление подобных комплексов в иноэтнической среде — дело исключительно редкое (пример тому — русские жилища в городах Волжской Болгарии). Чаще всего мы имеем дело с разрозненными вещевыми материалами, что существенно усложняет задачу этнокультурного определения их носителей. Тем не менее попытаемся по возможности полно осветить процессы заселения и освоения бассейна р. Камы выходцами из Древней Руси, опираясь в основном на археологические, а также на письменные, лингвистические, фольклорные и некоторые другие источники.

С возникновением государств Древней Руси и Волжской Болгарии уже в конце VIII — начале IX в. начинают складываться торговые контакты между ними, принявшие не позднее середины — второй половины X в. весьма тесный характер [10] и ознаменовавшиеся, в конечном итоге, заключением мирных политических и торговых договоров [11]. Вопреки имеющимся утверждениям, отношения между ними были в целом равноправными [12]. Наибольшей активностью в X—XI вв. отличались связи Волжской Болгарии с Киевом и Южной Русью [13]. В это же время на берегах Волго-Камья появляются и первые славянские переселенцы, что надежно документируется как письменными, в основном арабскими, источниками, так и археологическими материалами [14]. В настоящее время в Нижнем Прикамье насчитывается более 40 памятников с материалами, оставленными древнерусскими поселенцами (Рис. 1). В XII—XIII вв. преобладает поток населения из Северо-Восточной Руси. Исследователи предполагают существование особых торгово-ремесленных поселений в низовьях Камы и отмечают в числе их жителей и славяно-русских поселенцев [15]. Древнерусские ремесленники проживали и в городах Нижнего Прикамья. Вклад этих мастеров из Древней Руси в развитие некоторых ремесел Волжской Болгарии представляется бесспорным, имело место и восприятие ими местных навыков. Судя по распространению находок в Нижнем Прикамье, выходцы из древнерусских земель занимались и сельскохозяйственным производством. Наряду со славянами здесь фиксируются и другие древнерусские компоненты — балто-скандинавский и поволжско-финский [16]. Таким образом, одной из составных частей полиэтнического населения Волжской Болгарии являлись выходцы из Древней Руси, количество которых было, может быть, и невелико, но оставленный ими след в экономике и культуре государства оказался весьма заметным.

Наибольшее число древнерусских находок выявлено в западной части Нижнего Прикамья, и имеются некоторые основания связать па-

мятники этой части Волжской Болгарии с «серебряными болгарами» русских летописей — одним из возможных болгарских племенных объединений. Однако, какие-либо «нукратские болгары» («нукрат» в переводе с арабского «серебро») неизвестны восточным источникам [17], а названием «Нукрат» именуют себя лишь чепецкие каринские татары [18]. Река Вятка называется по-татарски «Нократ-суы», «Нократ иделе», что иногда переводится как «Серебряная вода» или «Серебряная река» [19]. В грамоте 1540 г., направленной Иваном Грозным «на Вятку», в Слободской городок верхний», упомянута некая «Наугородская земля» [20]. Очевидно, «Нукрат» — искаженное от «Новгород» в болгаро-татарском прочтении, т.е. р. Вятка именовалась как «Новгородская река» [21]. Данный первоначальный смысл забылся и, по-видимому, стал объясняться болгарскими из созвучного арабского слова «нукрат» — «серебро». В этом-то понятии и попали в русские летописи «серебряные болгары» (на самом деле — «болгары, живущие в районе новгородской реки»), что может быть объяснено одним — сосредоточением здесь достаточно весомого древнерусского компонента. Как известно, «Повесть о стране Вятской» называет самыми первыми русскими поселенцами на средней Вятке новгородцев, прибывших сюда в 1181 (1182, 1187) г. после 7-летнего пребывания в городке на нижней Каме [22]. Любопытно, что жители с. Челны считали себя потомками новгородцев, часть которых ушла на Вятку [23]. Степень достоверности этих данных остается под вопросом, однако, в любом случае, приведенные выше археологические материалы свидетельствуют об этнокультурной специфике прикамской части Волжской Болгарии, что и отразилось, вероятно, в особом названии ее жителей. Отмечу, что именно в нижнекамском регионе наиболее активно шли процессы интеграции керамических традиций славян, пермских и верхневолжских финнов с тюрками [24]. Не исключено, что после разгрома Батыем Волжской Болгарии часть бывшего здесь древнерусского компонента мигрировала в Марийско-Чувашское Поволжье, на среднюю и нижнюю Вятку, вверх по Каме, а оставшаяся — постепенно растворилась в преобладающей тюркоязычной среде. В золотоордынский период, в основном в XIV в., приток древнерусского населения в Нижнее Прикамье не только не прекратился, но существенно возрос, причем не обязательно за счет исключительно пленных — возможна миграция сюда и вольнопоселенцев-ремесленников. В период Казанского ханства русские люди попадали в Нижнее Прикамье почти исключительно в качестве пленников.

Многие из финно-угорских племен упоминаются в качестве данников Руси еще в середине IX в. «Повестью временных лет»: «Чудь, Меря, Весь, Муром, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, ...». К концу XI в. относится сообщение о новгородских походах далеко на северо-восток — в Югру. Следом за сборщиками дани в новые земли двинулись промысловики, а затем и земледельцы. Первые славянские поселенцы появились в Подвинье в XI — начале XII в. В процессе продвижения

на северо-восточные окраины славяне вступают в контакт с местными финскими племенами, положив начало интеграции последних в древнерусское общество. Об этом свидетельствуют грунтовые могильники XI—XIII вв., имеющие и славянские, и финские черты [25]. Особенно активно славянское население начинает проникать в местную финно-угорскую среду во второй половине XII в. На протяжении XII и XIII столетий новгородцы и ростовцы создают здесь свои опорные пункты, причем поселения возникают даже в бассейне р. Вычегды, где славянские и смешанные славяно-финские группы осваивают и пригодные для земледелия южные пространства [26].

Еще одним важнейшим центром славянской колонизации было Волго-Окское междуречье. Его южная часть явилась местом расселения вятичей, расширивших свой ареал в XI в. до р. Москвы, а в XII—XIII вв. — до верхней р. Клязьмы [27]. Волго-Клязьменское междуречье, населенное финскими племенами, начиная с IX в. осваивается группами кривичей и новгородских словен [28]. В составе новгородских поселенцев были и финно-скандинавские группы [29]. Кривичская миграция особенно активно развивалась с XI в., в основном охватив правобережье р. Волги [30]. В процессе освоения региона местные финны были включены в этногенетические процессы, в ходе которых подверглись славянской ассимиляции [31]. Темпы и этапы смешения славян и финнов удалось проследить по курганным материалам А.Е. Леонтьеву и Е.А. Рябинину [32]. Сложившаяся на этой территории Ростово-Суздальская земля активно расширяла свои владения на северо-восток, что вызвало противодействие Новгорода. Однако именно ростовская колонизация охватила верховья Северной Двины, где в 1178 г. возникает Гледен, а затем и Устюг, перекрывшие новгородское продвижение на юг — в бассейн р. Камы.

Этот период характеризуется стремлением князей Владимиро-Суздальской Руси расширить свое политическое влияние на территорию Среднего Поволжья и Заволжья. Политические акции, проводившиеся ими в ожесточенном соперничестве с Волжской Болгарией, выразились в строительстве городов-крепостей: Городца (между 1164 и 1172 гг.), Унжи (конец XII в.), Нижнего Новгорода (1221 г.). На левобережье Волги, между реками Унжа и Керженец, выявлены и сельские поселения XII—XIII вв. [33]. Выход русских в Среднее Поволжье, закрепленный основанием военно-политических форпостов, привел в конечном итоге и к появлению их в северных районах Прикамья.

Средняя Вятка начала заселяться славянами и ославяненными финнами во второй половине XII — начале XIII в. Первыми русскими колонистами региона были как новгородцы, использовавшие для проникновения сюда северные притоки р. Вятки, так и ростовцы, имевшие возможность попасть на Вятку и с севера, и с запада. Особенности обоих компонентов на археологических материалах (керамика, украшения) если и прослеживаются, то весьма слабо. Всего же здесь известно око-

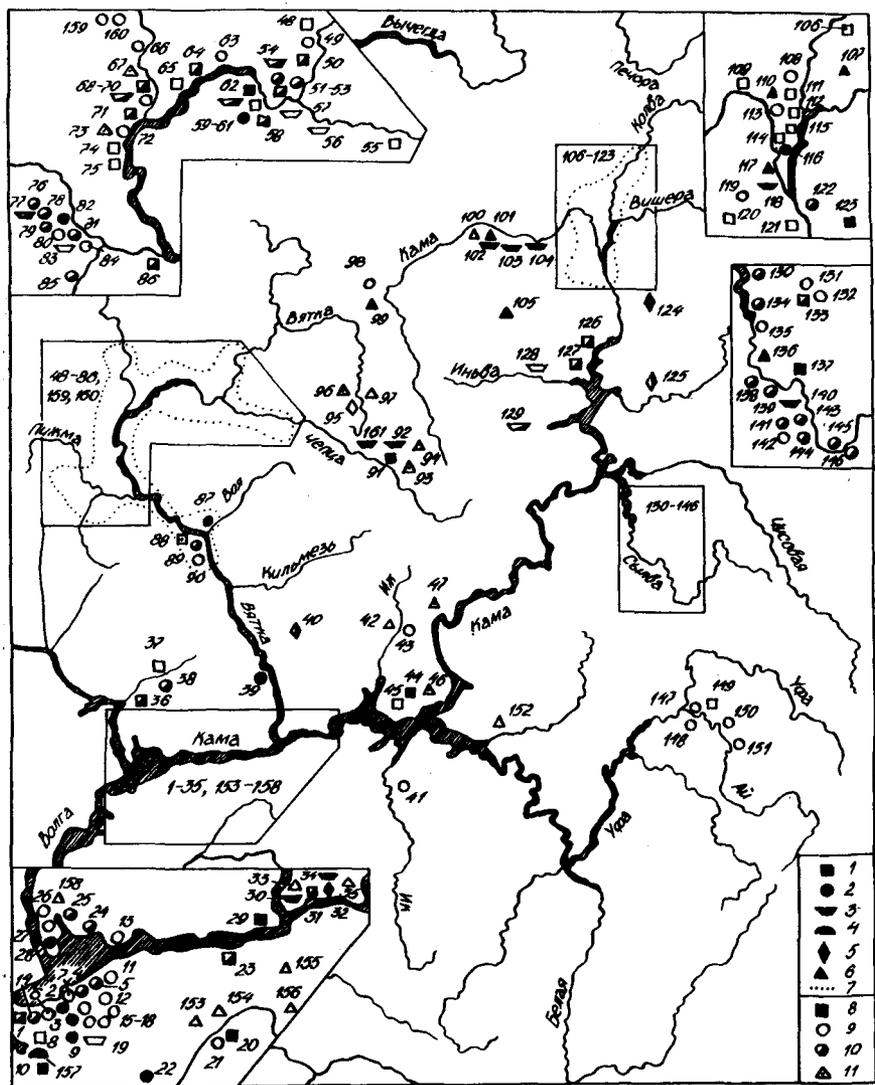

Рис. 1. Археологические памятники бассейна р.Камы с признаками пребывания древнерусских поселенцев.

1 — городище; 2 — селище; 3 — могильник; 4 — курганы; 5 — клад; 6 — местонахождение, находка; 7 — условные границы Вятской земли и ядра Перми Великой. Хронология памятников: 8 — домонгольские; 9 — золотордынского времени; 10 — оба периода; 11 — дата неизвестна.

Нижняя Кама: 1 — Болгар; 2 — Семеновское I; 3 — Измерское I; 4 — Мурзихинское I; 5 — Алексеевское VI; 6 — Новомордовское; 7 — Семеновское V; 8 — Старокуйбышевское; 9 — Старокуйбышевское IV; 10 — Балымерское; 11 — Разбойничий Остров; 12 — Дамба I (Алексеевское у дамбы или Песчаный Остров); 13 — Мансуровское; 14 — Семеновское II; 15 — Нижнемарьянское; 16, 17 — Коминтерновское II и III; 18 — Березогривское; 19 — Христофоровский; 20 — Биляр; 21 — Билярское III; 22 — Старобарановское III; 23 — Джукетау; 24 — Лаишевское; 25 — Богородицкое; 26, 27 — Рождественские V и VIa; 28 — Тетеевское VII; 29 — Грохань; 30 — Котловский; 31 — Елабужское (Чёртово); 32 — Елабужский (височные кольца, слитки); 33 — Танайские II (птицевидные подвески); 34 — Ананьинский (украшения); 35 — Староселищенские (подвеска-конек, керамика); 36 — Казань; 37 — Камаевское; 38 — Русско-Урматское; 153 — Гурьевка; 154 — Арбузов Баран; 155 — Николаевка; 156 — Русское Утяшкино; 157 — Балымерское; 158 — Ташкирмень (153—158 — слитки).

Нижняя Вятка: 39 — Изран; 40 — Орловский (плетеный браслет, слитки).

Средняя Кама: 41 — Меллятамаское; 42 — Малопургинская (эмеевик); 43 — Пуроможгинское; 44 — Ильняшское (булава); 45 — Зуево-Ключевское I; 46 — Быргындинское II (слитки); 47 — Перевознинские (слиток).

Средняя Вятка: 48 — Слободское; 49 — Родионовское; 50 — Подчуршинское; 51 — Никульчинское; 52, 53 — Никульчинское II и IV; 54 — Никульчинский I; 55 — Кривоборское; 56 — Северюхинский; 57 — Усть-Чепецкий; 58 — Чижевское; 59 — Хлыновское; 60 — Хлыновское; 61 — Хлыновский I; 62 — Вятское; 63 — Большеждановское; 64 — Орловское; 65 — Тороповское; 66 — Спасское; 67 — Нижнекордаковская (нож); 68—70 — Шабалинские; 71 — Ковровское; 72 — Искра; 73 — Искровская (наконечник стрелы); 74 — Котельничское; 75 — Скорняковское; 76 — Еманаевское I; 77 — Еманаевский; 78, 79 — Еманаевские IV и II; 80—82 — Покста I—III; 83 — Покста; 84 — Худяковское; 85 — Грековское; 86 — Пижемское; 87 — Ботылы IV; 88 — Лебяжское; 89 — Мысы IV; 90 — Уржумское; 159 — Вязовое; 160 — Барзичи II.

Чепца: 91 — Иднакар; 92 — Кабаковский (крестики); 93 — Бобинская (слитки); 94 — Глазовский уезд (эмеевик); 161 — Чиргинский (крестовключенные подвески).

Верхняя Вятка: 95 — Лопаревский (слитки); 96 — Скочинская (слиток); 97 — Киршатское (эфес палаша).

Верхокамье: 98 — Гидаевские (керамика, привески); 99 — Масленниковские (слитки).

Верхняя Кама: 100 — Гайнская волость (энколпион); 101 — Старица (крест); 102 — Агафоновский II (крест); 103 — Елевский (крест); 104 — Михалевский (крест); 105 — Вотьяки (слиток); 106 — Искор; 107 — Чердынский уезд (крест); 108 — Покчинское; 109 — Красная Горка; 110 — Чердынская («Перун»); 111 — Чердынь; 112 — Лобанихинское; 113 — Мелехинское; 114 — Корнинское; 115 — Редикорское; 116 — Пянтежское («Перун»); 117 — Малый Шакшер (слиток); 118 — Мало-Аниковский (слиток); 119 — Пустой Урол; 120 — Урольское; 121 — Эсперово; 122 — Пенягинское; 123 — Городищенское (крест); 124 — Чигиробский (слиток); 125 — Романовский (посуда, украшения); 126 — Роданово; 127 — Кыласово (Анюшкар); 128 — Кудымкарский; 129 — Рождественский.

Сытва: 130 — Елкинское; 131 — Верх-Саинское IV; 132 — Пуздринское II; 133 — Верх-Саинское I; 134 — Усть-Мечкинское; 135 — Шубинское; 136 — Кунгурский уезд (энколпион); 137 — Стрелка; 138, 139 — Кишертские I и II; 140 — Кишертский (медальон оплечья); 141 — Сасыковское II; 142 — Опалихинское; 143 — Тохтаревское; 144 — Усть-Иргино; 145 — Ярушинское; 146 — Чекарда.

Белая: 147 — Усть-Айское; 148 — Метелинское II; 149 — Абдуллинское; 150 — Большеустыинское; 151 — Юнусовское; 152 — Верхний Малый Калмаш (слитки).

до 45 древнерусских памятников, преимущественно поселений (Рис.1). Аборигенное удмуртское население, оказавшее поначалу вооруженное сопротивление дружинам пришельцев, в дальнейшем участвует не только в экономической, но и в политической жизни региона. Вместе с колонистами удмурты составляют население Никулицынской и Котельничской волостей, а их племенная верхушка наряду с русским руководством становится, по-видимому, основой вятского боярства [34]. Население Пижемской волости состояло, судя по керамике, только из славянских поселенцев [35]. Отдельные древнерусские поселки возникают в это время и по нижнему течению Волги.

Монголо-татарское нашествие усилило поток переселенцев с территории Владимиро-Суздальской и Южной Руси (полуземляночные жилища, предметы киевского происхождения, особенности оборонительных укреплений). В дальнейшем Волго-Окское междуречье и устюжские владения ростовцев стали теми регионами, из которых направлялся на Вятку основной поток колонистов. Отмеченное по письменным источникам известное изолированное положение Вятской земли в составе русских территорий обусловило и оформление в этом регионе политической автономии, сохранявшейся на протяжении XIII—XV вв. Итак, в середине второй половины XII в. полиэтничное население края консолидируется в единое государственное целое — Вятскую землю с центром в г.Вятке (Хлынове), имевшую вечевую форму правления. По сравнению с классическими народоправствами Древней Руси — Новгородом и Псковом — Вятская республика имела ряд присущих только ей особенностей: отсутствие института княжеской власти; военизированный характер исполнительной власти; автономная церковная организация; более архаичная вечевая система [36].

Набеги новгородских ушкуйников и золотоордынских отрядов на вятские поселения обусловили их значительные перестройки, выразившиеся в усилении оборонительных укреплений и изменении планировки на ряде памятников. В 1489 г. Вятская республика была ликвидирована, часть ее руководства казнена, а оставшаяся переселена в подмосковные земли. С конца XV в. на Вятку переместилось значительное количество поселенцев из северорусских земель, что нашло отражение в особенностях языка, фольклора, топонимики, материальной культуры.

Древнерусское население принесло с собой на среднюю Вятку те черты, которые характеризуют экономику русского государства эпохи развитого средневековья. Основой экономической жизни региона было сельское хозяйство. Анализ зернового материала показал, что важнейшими культурами на Вятке являлись рожь, пшеница и овес, но выявлены также ячмень, гречиха, горох, бобы, конопля, лен (определение Н.А.Кирияновой, В.В.Туганаева, Т.П.Ефимовой). Господствовала паровая система земледелия в форме двухполя, трехполя и других ее переходных форм, но сохранялись и более архаичные подсека и перелог. Важное значение в хозяйстве вятчан занимало скотоводство. остеоло-

гический материал показал характерный для большинства славяно-русских памятников лесной полосы состав стада: преобладание крупного рогатого скота и свиней и незначительный процент мелкого рогатого скота и лошадей (определение А.Г.Петренко). Стойловое содержание скота и пастушеская форма выпаса также являлись обычными для регионов, подобных Вятской земле. Из промыслов наиболее важными были охота, как пушная, так и с целью добычи мяса (находки костей диких животных), а также рыболовство (многочисленные орудия лова, костей и чешуи рыб) и бортничество. В городах Вятской земли и отчасти на селищах зафиксированы следы различных ремесел: металлургического и кузнечного, ювелирного и гончарного, деревообрабатывающего и сапожного. Изолированность Вятки придала торговым связям ограниченный характер, не выходящий за рамки достаточно тесного и узкого рынка.

В XI—XII вв. Верхнее Прикамье было даннической территорией Новгорода, а с XIII в. на отдельных родановских поселениях появляется древнерусская керамика домонгольского облика, документирующая появление славян в регионе. Всего насчитывается около 15 поселений с древнерусской керамикой XIII — начала XVI в. и около 10 памятников с культовыми предметами. По-видимому, к этому времени здесь уже существовали разрозненные туземные раннефеодальные княжества, известные с XIV в. под общим названием Пермь Великая. Пока неясны ни размеры, ни структура, ни степень «зрелости» этих образований, но вряд ли они имели какие-то четкие признаки развитой государственности. С началом массовой миграции русских в XIV — начале XV в. история Перми Великой вступает в качественно новую фазу: возникают первые поселения городского типа, как «чисто» русские (Анфаловский), так и с участием коми-пермяков (Искор, Чердынь), ставшие центрами волостного характера, одновременно сохраняются и пермяцкие родовые «гнезда». Ядром складывающегося полиэтничного государства являлась сравнительно небольшая территория в низовьях рек Колвы и Вишеры и прилегающего течения р. Камы, где особенно ощутимым было присутствие русских поселенцев. Но процесс сложения сильной Перми Великой был насильственно приостановлен в 1451 г., когда сюда был направлен в качестве наместника Москвы «от роду верейских князей» Михаил Ермолич [37]. При этом пермяцкая знать сохранила, по-видимому, не только свои родовые владения [38], но и политическое влияние. Не исключено, что решение об отказе пермского руководства от участия в походе на Казань в 1471 г. было принято под давлением «княжат». В ходе карательной акции Ф.Пестрого на Пермь в 1472 г. родовые владения местной знати, попытавшейся оказать сопротивление, были разорены, а столичная Чердынь, где жил наместник, осталась нетронутой. Таким образом, внутренняя оппозиция-политике московского наместника была разгромлена. Пермь Великая из государства со складывающимися вечевыми традициями преобразовалась, по сущест-

ву, в удельное княжество великопермских князей, претендовавших на какую-то форму политической автономии. Поэтому логичным завершением пермской государственности явилось отстранение местных князей от власти, ликвидация остатков независимости территории и установление статуса периодически сменяемых наместников (1505 г.).

В верховьях р.Чепцы происходили аналогичные процессы: в конце I — начале II тыс. н.э. крупные городища становятся племенными центрами, а такие, как Иднакар, приобретают, по мнению М.Г.Ивановой, признаки протогорода [39]. Характерно, что здесь в X—XII вв. появляются славянские древности, а в конце домонгольского периода обнаруживается и керамика, сделанная по славянским образцам — явный признак древнерусского присутствия на поселении. В середине XIII в. процессы становления государственности в бассейне р.Чепцы были прерваны.

Таким образом, суверенная государственность в различных ее формах на севере Прикамья к концу XV в. была ликвидирована, вся эта территория вошла в состав Московского государства. Регионы юго-восточной части бассейна р.Камы (Среднее Прикамье, бассейны Сылвы и Уфы) заселялись древнерусскими людьми, по-видимому, лишь в золотоордынское время и весьма малочисленными коллективами. Исходными районами их миграции могли быть как территории Волжской Болгарии, так и Северное Прикамье, хотя не исключается вероятность инфильтрации сюда и выходцев из собственно Древней Руси. Внутренние пространства камского бассейна (верховья Камы и Вятки, таежные районы северных притоков этих рек, глубинные территории Камско-Вятского и Волго-Вятского междуречий) осваиваются русскими поселенцами в относительно более поздний период — по-видимому, не ранее XIV—XV вв.

Лесостепные и степные просторы Закамья и бассейна р.Белой заселяются в эпоху, уже выходящую за рассматриваемые хронологические рамки — во второй половине XVI—XVII вв.

1. Иванова М.Г. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 13—14. ●
2. Бадер О.Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952) // Уч. зап. Пермского гос. университета. Харьков, 1953. Т. IX. Вып. 3. С. 81; Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX—XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С. 52—53; Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Связи финно-угорских племен со славянами в XI—XV вв. // Материалы VI Международного Конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. I. С. 79—81.
3. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники Верховьев Камы. Свердловск, 1989. Рис. 63, 64, 65, 72, 73.
4. Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А. К вопросу о времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // В печати.

5. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X—XV вв. М., 1993. 123 с.
6. Белавин А.М., Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X—XIII вв. // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 63—75.
7. Макаров Л. Древнерусские памятники Вятского края // Новая Кама. Елабуга, 1992. 28 июля.
8. Оборин В.А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы (МИА № 169). М., 1969. С. 166; Оборин В.А., Балащенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Уч. зап. Пермского гос. университета. Пермь, 1968. № 191. С. 43.
9. Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса) // СА. 1980. № 2. С. 69—79.
10. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 81; Кропоткин В.В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 115.
11. Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и культурно-экономических связей в X—XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 7—14.
12. Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 159; Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария... С. 114—120.
13. Путь из Булгара в Киев. Казань, 1993.
14. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария...; Казаков Е.П. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим данным // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 82—86; Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 170.
15. Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь... С. 7; Казаков Е.П. О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских булгар в Закамье // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991. С. 347—349.
16. Казаков Е.П. О ранних контактах волжских булгар... С. 77—82; он же. О домонгольских торгово-ремесленных поселениях... С. 342—347; Измайлов И.Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X—XI вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 104—105.
17. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 15.
18. Степанов Р.Н. Каринское опричное княжество // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья в период феодализма. Тез. докладов. Чебоксары, 1973. С. 17.
19. Захаров Д. Серебряная Вятка. Рассказы о названиях. Киров, 1990. С. 5.
20. Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв. Ижевск, 1958. С. 52.
21. Ахметзянов М. Нократ иделе // Офык. Казань, 1991. № 4. С. 44—45; Добродомов И.Г. Нукрат (татарское название Вятки) // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 279—281.
22. Повесть о стране Вятской (Вятский летописец) // Труды Вятской Ученой архивной комиссии 1905 года. Вятка, 1905. Вып. III. Отд. II. С. 28—29.
23. Спицын А.А. Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883. С. 148.
24. Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 106—107, 113—133.
25. Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. 1984. № 4. С. 213—214; Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв. // СА. 1986. № 6. С. 61—71; он же. Население Русского Севера в XI—XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990. С. 29—32, 43—44.

26. Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья: Науч. доклад на соискание... докт. ист. наук. М., 1995. С. 27—46.
27. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 151.
28. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья (МИА № 94). М., 1961. С. 183—188; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л., 1982. С. 40—45.
29. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. ... С. 188—189, 195; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь... С. 56—57; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 221—227.
30. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского... С. 183—185; Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. ... С. 189, 195.
31. Розенфельдт Р.Л. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) // Русский город. М., 1976. С. 11—12; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь... С. 73—75.
32. Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А. Этапы и формы ассимиляции... С. 67—79; Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 108—118, 128—129.
33. Архипов Г.А. Городища и селища Повелужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола, 1982. (АЭМК. Вып. 6). С. 5—25.
34. Макаров Л.Д. Формирование территории Вятской земли в XII—XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 140—154.
35. Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения р. Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994. (АЭМК. Вып. 23). С. 170.
36. Макаров Л.Д. Государственное устройство Вятской земли в XIII—XV вв. (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск, 1993. С. 56—65.
37. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 74—75.
38. Бординских Г.А. Тайны истории Перми Великой. Соликамск, 1994. С. 2—27.
39. Иванова М.Г. Чепецкие городища: проблемы и перспективы исследования // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 52—55.